FRF THINK TANK

FREE RUSSIA FOUNDATION

October 2026

ПРАВО НА САМООБОРОНУ. КАК ДЕМОКРАТИЧЕСКИМ ГОСУДАРСТВАМ ОТВЕЧАТЬ НА ВНЕШНЕЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ

Отчёт об экспертном исследовании | Март–август 2026 года

Георгий Чижов | Руководитель Центра содействия реформам (Киев, Украина)

Free Russia Foundation
2026

ПРАВО НА САМООБОРОНУ. КАК ДЕМОКРАТИЧЕСКИМ ГОСУДАРСТВАМ ОТВЕЧАТЬ НА ВНЕШНЕЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ

Отчёт об экспертном исследовании | Март–август 2026 года

Содержание

РЕЗЮМЕ 4

ВВЕДЕНИЕ 6

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ 10

1. СУТЬ, СТРУКТУРА И ПРОЯВЛЕНИЯ ВНЕШНЕГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА 10

2. ФЕНОМЕН ИЛАНА ШОРА 12

3. НА КОГО ЕЩЁ ДЕЛАЕТ СТАВКУ МОСКВА? 14

4. ЦЕЛЕВАЯ АУДИТОРИЯ ВМЕШАТЕЛЬСТВА И ЕГО ЭФФЕКТИВНОСТЬ 16

5. ЭТНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РОССИЙСКОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА 18

6. БЕСПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ОТВЕТНЫЕ МЕРЫ 20

7. ПОДАВЛЕНА ЛИ ИНФРАСТРУКТУРА ВМЕШАТЕЛЬСТВА? 23

8. ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ 24

ИСТОЧНИКИ 30

Резюме

В ходе избирательного цикла 2023–2025 гг. Республика Молдова столкнулась с качественно новым уровнем российского вмешательства в политические и электоральные процессы. Использовавшиеся Москвой на протяжении двух десятилетий инструменты – поддержка лояльных политических сил, политическое консультирование, пропаганда и финансовое влияние – были объединены в комплексную систему, включавшую незаконное финансирование политических проектов, массовую скупку голосов, создание организационных «сеток», использование цифровых платформ и социальных медиа, управляемую протестную активность и политические прокси-структуры.

Ключевой фигурой этого этапа стал Илан Шор. Созданная вокруг него инфраструктура соединила политический популизм и социальный патронаж с прямым материальным стимулированием избирателей и разветвлённой организационной сетью. Сотрудничество с Москвой позволило масштабировать эту модель практически до национального уровня. Однако российское влияние не ограничивалось Шором или традиционно пророссийскими силами: участники исследования указывают на взаимодействие Москвы с политическими акторами различной идеологической ориентации.

Одновременно исследование показывает и пределы эффективности такой модели. Количественно определить влияние скупки голосов, информационных операций и усилий политических прокси на результаты выборов не представляется возможным, а оценки экспертов по этому поводу заметно расходятся. Более существенным долгосрочным результатом российского воздействия представляется сохранение среды, в которой около 30% электората внутри страны остаются восприимчивыми к пророссийским и антиевропейским нарративам.

Внешнее вмешательство использует существующие внутренние уязвимости молдавского общества: бедность, политическую и региональную поляризацию, языковую сегментацию информационного пространства и слабость коммуникации государства и проевропейских политических сил с отдельными группами населения. Особенно заметно это в некоторых регионах и среди части этнических меньшинств, однако определяющим фактором здесь представляется не этническое происхождение само по себе, а господствующий язык потребления информации.

Молдавское государство ответило на вмешательство беспрецедентно жёсткими мерами. Связанные с Шором политические проекты отстранялись от выборов, были приостановлены лицензии ряда телеканалов и заблокирован доступ к более чем ста интернет-ресурсам, существенно усилена ответственность

за покупку и продажу голосов, активизировано преследование участников незаконных финансовых схем. По оценкам большинства опрошенных экспертов, эта политика дала практический результат: масштабы зафиксированного подкупа на парламентских выборах 2025 г. заметно сократились, а созданная Шором инфраструктура была значительно ослаблена. В то же время часть экспертов полагает, что организационные «сетки» не уничтожены окончательно, а лишь перешли в спящий режим и способны восстановиться при появлении нового финансирования и политического оператора.

Главный вывод исследования заключается в парадоксальности достигнутого результата. Москва не добилась своей основной стратегической цели: Молдова сохранила европейскую ориентацию, а российское вмешательство не привело к власти силы, способные изменить внешнеполитический курс страны. Однако само противодействие вмешательству создало новую проблему. Для защиты политической системы государство прибегло к мерам, которые порождают вопросы о соразмерности ограничений, соблюдении надлежащей правовой процедуры, стандартах доказательств, свободе распространения информации, независимом судебном контроле и сохранении политического плюрализма.

Таким образом, эффективность противодействия внешнему вмешательству оказалось невозможно оценивать исключительно по уровню успеха поддерживаемых извне политических проектов или сокращению масштабов электоральной коррупции. Не менее важным критерием остаётся способность сохранить прозрачные и предсказуемые правила политической конкуренции и не допустить превращения чрезвычайных ограничительных механизмов в обычные инструменты внутренней политики.

Это сочетание критериев определяет два основных рекомендуемых направления дальнейших действий. Первое – укрепление правовых гарантий и рамок уже созданной системы противодействия. Установление чётких оснований, высоких стандартов доказательств для ограничения участия партий и кандидатов в выборах, блокировки информационных ресурсов, обеспечение содержательного судебного контроля и законодательное определение пределов государственного вмешательства. Второе – устранение долгосрочных внутренних уязвимостей: сокращение языковой и информационной изоляции отдельных групп, постоянный диалог государства и проевропейских политических сил с этническими меньшинствами и оппозиционными группами, работа по снижению политической поляризации и социально-экономических предпосылок патронажа и подкупа.

Молдавский опыт имеет значение для других европейских демократий, которые могут столкнуться с аналогичными технологиями вмешательства. Он демонстрирует двойную опасность: недостаточно решительный ответ

позволяет внешнему актору влиять на демократический процесс, тогда как ответ чрезмерный способен постепенно изменить саму демократическую среду. Поэтому главная задача «защищающейся демократии» состоит не просто в том, чтобы сохранить себя, а в способности остаться при этом демократией.

Введение

Российское вмешательство в политические процессы Республики Молдова нельзя назвать новым явлением. На протяжении двух десятилетий Москва использовала здесь привычный набор инструментов: поддержку лояльных политических сил, работу политтехнологов, пропаганду и финансовое влияние. Однако в ходе избирательного цикла 2023–2025 гг. характер этого вмешательства заметно изменился. Разрозненные прежде инструменты были объединены в комплексную систему, включавшую незаконное финансирование политических проектов, массовую скупку голосов, создание разветвлённых организационных сетей, использование цифровых платформ и социальных медиа, управляемую протестную активность и формирование политических прокси-структур.

Молдова оказалась своего рода испытательным полигоном не только для новых технологий внешнего вмешательства, но и для способов противодействия им. Государство ответило на возникшую угрозу с решительностью, неожиданной для небольшой и институционально уязвимой демократии. Были запрещены или отстранены от участия в выборах связанные с Иланом Шором политические проекты, приостановлены лицензии ряда телеканалов, заблокирован доступ к более чем ста интернет-ресурсам, резко усилена ответственность за подкуп избирателей и продажу голосов. Правоохранительные органы начали последовательно разрушать финансовую и организационную инфраструктуру вмешательства. По оценкам участников исследования, эти действия дали ощутимый результат: масштабы зафиксированного подкупа на парламентских выборах 2025 г. существенно сократились, а построенная Шором сеть если не уничтожена, то по крайней мере значительно ослаблена.

Но именно здесь возникает центральный вопрос данного исследования. Насколько далеко может зайти демократическое государство, защищая демократию? Некоторые меры, оказавшиеся эффективными в борьбе с внешним вмешательством, одновременно вызывают вопросы с точки зрения их соразмерности, соблюдения надлежащих правовых процедур, гарантий свободы распространения информации и сохранения политического плюрализма. Практически все опрошенные эксперты называют действия молдавского государства беспрецедентными, а многие характеризуют их правовую обоснованность словами «на грани законности». В отдельных

случаях речь идёт уже не только о наказании за доказанные нарушения, но и о превентивном ограничении политической или информационной деятельности.

Поэтому опыт Молдовы представляет интерес далеко за её пределами. Российское вмешательство не достигло своей основной политической цели – отказа страны от курса на европейскую интеграцию. Однако противостояние ему уже оказало воздействие на правила политической конкуренции и функционирования информационной среды. Возникает парадокс: внешнее вмешательство способно ослаблять демократические институты не только тогда, когда оно оказывается успешным, но и когда атакуемое государство с ним справляется, если необходимые для этого чрезвычайные меры постепенно становятся частью обычной политической практики. Именно этот риск – снижение демократических стандартов как побочный результат защиты демократии – представляется одним из наиболее важных уроков молдавского опыта.

В настоящем исследовании сделана попытка разобраться в обеих сторонах этого процесса: реконструировать структуру и основные инструменты российского вмешательства; понять, почему некоторые из них оказались эффективными именно в молдавских условиях; оценить результаты предпринятых государством ответных мер и обозначить возникающие при этом демократические и правовые риски. В конечном счёте молдавский кейс ставит общий вопрос, который в ближайшие годы, вероятно, окажется актуальным для всё большего числа других европейских стран: как защитить демократический политический процесс от внешнего воздействия, не нарушая при этом те принципы, ради защиты которых государство и предпринимает такие меры?

Сведения о методологии исследования

Исследование на тему «Российское вмешательство в политическую жизнь Республики Молдова и пределы демократического ответа» проходило с марта по август 2026 г. Полевая часть исследования проводилась методом неформализованных (полуструктурированных) экспертных интервью в столице Республики Молдова Кишинёве в мае–июне 2026 г. Для проведения интервью были отобраны 18 экспертов, представляющих различные профессиональные и политические среды. Задача отбора состояла в том, чтобы получить оценки людей, непосредственно знакомых с политическими и электоральными процессами в Молдове, работой СМИ и гражданского общества, проблематикой внешнего вмешательства, дезинформации и противодействия им.

В число собеседников вошли политологи и политические аналитики, действующие и бывшие депутаты парламента, сотрудники международных организаций, журналисты и медиаменеджеры, социологи, специалисты

в области публичной политики, безопасности и прав человека. При формировании круга экспертов учитывались не только их профессиональная компетентность и непосредственное знакомство с предметом исследования, но и различия в политических взглядах и институциональной принадлежности. В частности, среди опрошенных были как люди, связанные с действующей властью или государственными институтами, так и её критики, представители различных политических направлений, независимых СМИ и неправительственного сектора. Такой подход позволил сопоставлять разные, а в ряде случаев противоположные интерпретации одних и тех же событий.

В то же время состав участников определяет некоторые ограничения исследования. Он не формировался как репрезентативная выборка молдавского экспертного сообщества, а доступность конкретных собеседников и их готовность к интервью неизбежно влияли на его окончательную конфигурацию. Отдельные профессиональные, политические и региональные группы представлены в исследовании в разной степени. Поэтому частота, с которой определённая точка зрения встречалась в интервью, сама по себе не может рассматриваться как показатель её распространённости ни среди экспертов в целом, ни тем более в молдавском обществе.

Экспертные интервью также не являются исследованием общественного мнения и не позволяют делать выводы о взглядах населения Республики Молдова. Высказанные собеседниками оценки использовались прежде всего для реконструкции политических процессов, выявления различных интерпретаций происходящего и проверки выводов, полученных при анализе других источников. Часть содержащихся в исследовании оценок – прежде всего касающихся мотивации политических акторов, неформальных механизмов принятия решений, эффективности отдельных инструментов вмешательства или противодействия ему – по своей природе остаются экспертными суждениями, а не независимо установленными фактами.

Условием проведения интервью была анонимность: никакие суждения экспертов не авторизованы, доступен лишь список самих экспертов.

В тексте отчёта дословные цитаты экспертов выделены курсивом.

Кроме того, для достижения задач исследования использовались материалы из открытых источников: нормативные документы, публикации медиа, результаты проводившихся ранее исследований, отчёты международных неправительственных организаций.

Список экспертов, принявших участие в исследовании:

Виталий Андриевский (Vitalie Andrievschi) – политолог, политический консультант

Аркадий Барбарошие (Arcadie Barbăroșie) – исполнительный директор Института общественных политик

Юлиан Берку (Iulian Bercu) – консультант по медиа и PR

Игорь Боцан (Igor Boțan) – директор Ассоциации за демократию участия (ADEPT)

Галина Васильева (Galina Vasilieva) – журналистка, медиаменеджер, медиааналитик

Дарья Гвинджия (Daria Gvindjia) – главный редактор русскоязычного контента телеканала UNU TV

Ирина Глушко (Irina Glușco) – руководитель русскоязычной службы новостей общественной телерадиокомпании Teleradio-Moldova

Евгений Голощапов (Evghenii Goloșceapov) – координатор программ по вопросам правосудия и прав человека Программы развития ООН (UNDP) в Молдове; член Совета по вопросам равенства Республики Молдова

Наталья Давидович (Natalia Davidovici) – депутат парламента Республики Молдова, член Комиссии по внешней политике и европейской интеграции, в прошлом советник президента РМ по коммуникациям

Наталья Джанджгава (Natalia Djandjgava) – руководитель программ CMI – Martti Ahtisaari Peace Foundation в Молдове

Галия Ибрагимова (Galia Ibraghimova) – независимая журналистка, блогер

Василий Кантаржи (Vasile Cantarji) – социолог, Центр социальных исследований и маркетинга «CBS-Research»

Андрей Курэрару (Andrei Curăraru) – эксперт в области публичных политик и безопасности

Оазу Нантой (Oazu Nantoi) – политический аналитик, советник премьер-министра Республики Молдова по вопросам реинтеграции, в прошлом депутат нескольких созывов парламента РМ

Марк Ткачук (Mark Tkaciuk) – депутат парламента Республики Молдова, председатель партии «Гражданский конгресс»

Алексей Тулбуре (Alexei Tulbure) – директор Института устной истории Молдовы; в прошлом депутат парламента Республики Молдова, постоянный представитель РМ при Совете Европы, постоянный представитель РМ при ООН

Владимир Тхорик (Vladimir Thorik) – журналист-расследователь, редактор русскоязычного отдела RISE Moldova

Владимир Соловьёв (Vladimir Soloviov) – независимый журналист

Результаты исследования

1. Суть, структура и проявления внешнего вмешательства

Многие из принявших участие в исследовании экспертов отмечают, что систематическое вмешательство России в ход выборов в Республике Молдова началось ещё в 2000-е гг. Своего рода точкой отсчёта называют парламентские выборы 2005 г., когда Москва, разочарованная политикой тогдашнего президента Республики Молдова Владимира Воронина, накануне парламентских выборов «высадила в Кишинёве целый десант российских политтехнологов». Тогда «гастролёры» столкнулись с неожиданно жёсткой реакцией молдавских властей: многие были ненадолго задержаны полицией и выдворены из страны.

Однако с тех пор «российский фактор» присутствовал в ходе всех общенациональных избирательных кампаний в Республике Молдова: в виде пропаганды, участия политконсультантов, прямой поддержки кандидатов и политических сил со стороны российского руководства, попыток (впрочем, ограниченных по масштабу) привезти на избирательные участки жителей Приднестровья и расширить голосование граждан Молдовы на территории Российской Федерации.

Очередная устойчивая команда российских политтехнологов в Кишинёве была зафиксирована журналистами-расследователями в 2019–2021 гг. На местных выборах приезжие занимались кампаниями кандидатов от ПСРМ – Партии социалистов Республики Молдова (в частности, примара Кишинёва Иона Чебана), на президентских «вели» тогдашнего президента и лидера ПСРМ Игоря Додона, на парламентских помогали не только социалистам, но и другим партиям.

Они делали избирательную кампанию «под ключ». В этой группе политтехнологов мы идентифицировали 10, их больше было, просто мы не смогли идентифицировать, там целая бригада приезжала… У них была группа юристов, которые <отслеживали нарушения> в избирательных кампаниях конкурентов, потом была группа стратегов, которые писали стратегически, как должны работать штабы, описывали координацию избирательных штабов партии социалистов между собой. И были ещё СММщики, журналисты, которые создавали контент как пропагандистский, так и очерняющий конкурентов.

Трёх из этих политтехнологов потом Госдеп включил в санкционный список с формулировкой «за вмешательство во внутреннюю политику Молдовы». Это Игорь Гонин (на самом деле Леонид Гонин – авт.), Юрий Гудилин и Ольга Грак.

Фото: Кишинёв, Молдова — 8 марта 2023 года: эмблема Партии социалистов Республики Молдова. | Shutterstock.com

В избирательном цикле 2023–2025 гг. российское вмешательство вышло на качественно иной уровень с точки зрения интенсивности, плотности и комплексности воздействия. От организации уличных протестов до обеспечения управляемого голосования представителей диаспоры в подконтрольных странах, от формирования псевдопроевропейских предвыборных блоков и «роя» полувиртуальных политических партий до скупки «универсального» электорального ресурса, от создания сети Telegram-каналов до привлечения сотен микроинфлюенсеров в социальных сетях. Всё это характеризовало «инновационный» политтехнологический подход, объединивший перечисленные инструменты и позволивший адаптировать их друг к другу и к местным условиям.

2. Феномен Илана Шора

Ключевой фигурой этого этапа российского вмешательства участники исследования единодушно назвали бизнесмена и политика Илана Шора, чью публичную деятельность традиционно сопровождают скандалы. Согласно данным из открытых источников, ещё в 2014 году Шор становится председателем совета по администрированию Banca de Economii S.A. и в этом качестве участвует в крупнейшей афере постсоветской истории Молдовы – выводе из банковской системы страны $1 млрд. По данным следствия, Шор непосредственно легализовал более $335 млн из похищенного миллиарда[1].

Оказавшись под арестом, в мае 2015 года бизнесмен выдвигает свою кандидатуру на пост примара города Орхей (Оргеев), родного города его семьи (сам Илан родился в 1987 г. в Тель-Авиве, где тогда жили в эмиграции его родители). Победа на выборах временно избавляет его от уголовного преследования и открывает политическую страницу биографии.

Эксперты объясняют уверенную победу Шора на первых в его жизни выборах стойкой позитивной репутацией в Орхее его семьи, в первую очередь деда, известного детского врача. Новый примар всерьёз занялся благоустройством города, а также открыл «Орхейленд» – местную версию «Диснейленда», – который не являлся коммерчески прибыльным предприятием и финансировался за счёт средств, привлекаемых Шором.

Затем была создана сеть социальных магазинов, которые продавали продукты для бедных слоёв населения, причём по отдельным позициям цены оказывались на 10–20% ниже средних. С 2016 по 2021 г. сеть разрослась до 200 единиц. Больше половины из них – мобильные автолавки, перемещавшиеся по различным населённым пунктам. Чтобы стать пользователем сети, необходимо было получить специальную карту, которая выдавалась в обмен на предоставление персональных данных и согласия на их использование. Сам Шор в какой-то момент заявлял, что количество пользователей сети уже превысило 400 тысяч, что составляет не менее 20% всех фактически голосующих молдавских избирателей даже при высокой явке.

В 2019 г. по итогам выборов партия «Шор» сформировала свою фракцию в национальном парламенте. В Оргеевском районе кандидаты Шора были выдвинуты на должности глав всех населённых пунктов, примерно 75% из них выиграли свои выборы. Правда, самому лидеру под тяжестью новых обвинений пришлось бежать из-под домашнего ареста в Израиль.

По данным издания The Washington Post, Федеральная служба безопасности (ФСБ) России начала сотрудничество с партией «Шор» в 2020 году[2].

Некоторые из опрошенных экспертов полагают, что Илан Шор был принят и обласкан в Москве после того, как сумел в ходе местных выборов 2023 г. фактически взять под свой контроль Гагаузию, автономное территориальное образование в составе Молдовы, используя популистскую риторику и политтехнологические методы, впоследствии масштабированные на всю Республику. Характерный пример: башканом (главой) Гагаузии была избрана Евгения Гуцул, не являвшаяся до того политической фигурой и начавшая свою кампанию за две недели до выборов. Правда, за это время она успела получить публичную поддержку от ряда российских политиков и деятелей культуры, что косвенно подтверждает версию The Washington Post: в 2023 г. Шор уже плотно сотрудничал с Москвой.

В 2024 г. Илан Шор получает российское гражданство и $250 млн от Автономной некоммерческой организации (АНО) «Евразия» на реализацию проектов в Республике Молдова (председатель попечительского совета АНО – спикер Государственной Думы Федерального Собрания РФ Вячеслав Володин). Чуть позже упомянутая выше Евгения Гуцул и примар Оргеева Татьяна Кочу обращаются к руководителю российского «Промсвязьбанка» (находится под международными санкциями) Петру Фрадкову с просьбой открыть счета для 150 тысяч (по данным других экспертов, для 130 тысяч) граждан Молдовы и перевести на них денежные средства. Здесь и пригодились собранные персональные данные…

Часть денежных средств ввозилась в Республику Молдова наличными: в качестве курьеров использовались люди, которые приглашались шоровскими структурами в Россию на конференции и в ознакомительные поездки – учителя, священники, молодёжь, – и везли обратно разрешённые $10 тыс. каждый.

Обращали внимание эксперты на восприятие образа Илана Шора его сторонниками и людьми, принимавшими участие в протестных акциях:

Мы с коллегами проводили опрос среди людей, которых он (Шор – авт.) зазывал на протесты. И мы были поражены, когда среди протестующих нашли даму, которой было 80 лет. И мы спросили: кто она? Она сказала, что она профессор экономики: проработала всю жизнь, пенсия маленькая, выжить очень сложно. Говорит: ну а что, если дают 20 долларов (за участие в акции – авт.), почему бы и нет? И она говорит вещь, которая нас потрясла. Она говорит: все политики нынче воры, а Шор – добрый вор, он с нами делится. И вот эту фразу: «Шор – добрый вор, он с нами делится», – это потом повторяли практически всегда люди, которых журналисты раскручивали на откровенность.

Один из экспертов считает Шора удобным спарринг-партнёром для действующей власти Молдовы.

У одной из наших социологических компаний был уже собственный индекс. Назывался он в 2024 г. «Зависимость роста рейтинга Майи Санду от инициатив Илана Шора». Как только этот говнюк демонстрировал активность свою… начинался рост рейтинга Майи Санду. Почему? Потому что все смотрели и думали: блин, да лучше она, чем вот этот ужас, этот кошмар.

По данным участников исследования, первыми работниками и менеджерами предвыборных сетей Шора стали сотрудники его бизнес-проектов: от строительства до упомянутых социальных магазинов. Затем началась целенаправленная вербовка людей с левыми и пророссийскими взглядами; зачастую локальными лидерами становились бывшие активисты коммунистической и социалистической партий. На последнем этапе строительства общенациональной сети агитации и скупки голосов основной мотивацией новых участников стала чисто коммерческая: реализация политических технологий Шора хорошо оплачивалась. Опрошенные говорят о 3–4 тысячах евро месячного дохода для менеджеров среднего звена – это весьма высокая зарплата по меркам Молдовы.

3. На кого ещё делает ставку Москва?

Участники исследования сходятся во мнении, что Россия взаимодействует напрямую со многими молдавскими политиками, в том числе с теми, кто формально заявляет о своей проевропейской ориентации.

Фото: Кишинев, Молдова - 27 октября 2024 года: публичные предвыборные дебаты кандидатов Майи Санду и Александра Стояногло по второму туру президентских выборов | Shutterstock.com

Очевидна поддержка Москвой Партии социалистов и её лидера Игоря Додона. Однако, по мнению части экспертов, некоторые политики, ранее входившие в эту партию или поддержанные ею на выборах, уже покинули орбиту Кремля. В первую очередь имеют в виду Александра Стояногло – бывшего генерального прокурора Молдовы и основного оппонента Майи Санду на президентских выборах 2024 г. – и примара Кишинёва Иона Чебана. Другие эксперты уверены, что Стояногло, Чебан и другие выходцы из ПСРМ остаются проводниками российских интересов в Молдове.

Вот наш нынешний примар – мэр столичный, который устраивал акции протеста в Брюсселе у здания Европарламента и Совета Европы и кричал, что Молдова исключительно с Россией и не нужна никакая евроинтеграция, никакой Евросоюз. Он себя сейчас позиционирует как проевропейского политика. Он даже с недавних пор войну (России против Украины – авт.) войной называет, наконец, на пятом году. Раньше пытался избегать даже этого слова. Тут уже вопрос веры: насколько вы верите в то, что человек может настолько кардинально поменять свои взгляды?

Среди других политиков, формально не входящих в ПСРМ и политические проекты Илана Шора, связанных с Россией, чаще всего называют бывшего премьер-министра и лидера Партии развития и объединения Молдовы Иона Кику, лидера молдовенистской партии «Великая Молдова» (молдовенизм можно определить как молдавский национализм, отрицающий единство молдавской и румынской наций) Викторию Фуртунэ, а также председателя унионистской (наоборот, выступающей за объединение с Румынией) партии «Демократия дома» Василия Костюка. На выборах 2025 г. его партия преодолела проходной барьер и сформировала свою фракцию в национальном парламенте.

Некоторые участники исследования полагают, что российское влияние в Молдове распространяется очень широко, но россияне больше не инвестируют в медиа республики, делая упор на персоналии, генерирующие контент, и строительство организационных сетей («сеток») для скупки голосов.

Скупили экспертов, взялись за политиков, независимо от взглядов.

Из местных медиа русские ушли; «сетка» всё меньше пересекается с пропагандой.

Двое экспертов уверяют, что вся молдавская оппозиция, вне зависимости от декларируемых политических взглядов, получает средства из России, поскольку не имеет иных источников финансирования. Другие предлагают идентифицировать связь с Москвой по нарративам и ограничениям в политической риторике.

Те, кто сотрудничают с русскими, обязательно будут говорить про кризис Евросоюза; выступать за непременно нейтральный статус Молдовы; критиковать Санду и правительство за подготовку к войне с Россией; критиковать Украину по любому поводу; упоминать мифические «особняки Зеленского» и продажу «налево» систем Patriot.

Финансируемая Кремлём оппозиция может говорить, что Крым украинский, может называть Россию агрессором, но не может позволить себе ни одного неуважительного слова в адрес Путина.

При этом эксперты полагают, что никто из молдавских политиков, кроме разве что малозаметных маргиналов, не испытывает искренней любви к России и Владимиру Путину, а сотрудничает с Москвой исключительно ради финансового и медийного ресурса и поддержки пророссийского электората Молдовы.

4. Целевая аудитория вмешательства и его эффективность

Долю людей с пророссийскими взглядами среди электората внутри страны (существенную роль в общенациональном голосовании играют также преимущественно проевропейские граждане Молдовы, проживающие за рубежом, диаспора) эксперты оценивают, ссылаясь на данные социологов, приблизительно в 30%. Причём эта доля практически не снижается с начала полномасштабного вторжения РФ в Украину.

Основными предпосылками формирования таких взглядов участники исследования считают бедность, низкий уровень образования (коррелирует с ностальгией по СССР), использование в качестве источников информации российских медиа (включая телевидение) и социальных сетей.

Мнения экспертов по поводу эффективности технологий внешнего вмешательства существенно разошлись. Во-первых, почти все опрошенные склонны оценивать лишь влияние скупки голосов на итоговые результаты выборов и референдума. Инструментами приблизительной количественной оценки влияния информационных операций в социальных сетях, создания прокси-политических структур, управляемой протестной мобилизации на итоги голосования участники исследования практически не располагают.

При этом наиболее эффективной среди социальных сетей для воздействия на электоральное поведение граждан Молдовы эксперты в сфере массовой коммуникации считают TikTok, второе место (с большим отрывом от первого) отдают российской соцсети «Одноклассники», небольшое и нишевое влияние признают за Facebook и минимальное – за Instagram.

В ФБ – пузырь политологов, партийцев, пиарщиков, медиа. Электоральная политика «на земле» делается ТикТоком и «сетками». Даже встречи кандидатов с избирателями так не работают. Кто-то смотрит каналы на YouTube. Но это не так много.

Говоря о «сетках», некоторые эксперты полагают, что их влияние преувеличено. Львиная доля денежных средств распределяется среди тех, кто и так сделал бы обусловленный собственными взглядами выбор в поддержку пророссийских кандидатов и против европейской интеграции Молдовы. Звучали и мнения, что часть средств была просто украдена внутри структуры Шора, а некоторые из избирателей, получивших деньги, проголосовали не так, как их просили «благодетели».

Были люди, которые голосовали по-другому, чем то, за что получали деньги. Но это, мне кажется, аспект не самый важный, была и внутренняя коррупция. У них был такой бывший полицейский, который занимался внутренней безопасностью, он говорил, что до 60% этих денег они украли сами у себя в системе. Я думаю, что это повлияло и на то, что, например, в 2025 г. всё было не так эффективно. Люди, которые в 2024 г. зарабатывали что-то, они ещё рассчитывали, что и в 2025 г. заработают. А в 2025 г. до 2028 г. (год, когда должны состояться очередные президентские выборы – авт.) долго ждать, поэтому быть очень лояльным этой системе им уже не хотелось.

Другие обращают внимание на заметную разницу между прогнозами и реально зафиксированными результатами кандидата в президенты Александра Стояногло. На референдуме о поддержке курса на вступление в ЕС, проходившем одновременно с первым туром президентских выборов, наблюдался аналогичный отрыв результатов от прогнозов в отношении голосования против евроинтеграции.

Санду набрала в первом туре примерно столько, сколько ожидали. А Стояногло – вдвое больше, чем давали социологи. Почему социологи этого «не поймали»? И так же сильно ошиблись с уровнем неподдержки вступления в Евросоюз. Это была покупная «сетка». Люди пришли за деньги.

Все опросы показывали, что внутри страны примерно две трети – за евроинтеграцию, а треть – против. Конечно, нельзя списывать полностью подъём критики референдума, особенно в последние недели, но без «сетки» только чисто электорально это было практически невозможно перевернуть. А в результате референдум внутри страны был проигран (перевес сторонников евроинтеграции обеспечили голоса диаспоры – авт.).

Большинство экспертов всё же подчёркивают, что расхождения между

данными опросов накануне выборов и фактическими итогами голосования сами по себе не позволяют определить, сколько голосов было получено в результате применения технологий внешнего вмешательства. Результаты воздействия российской пропаганды и других методов влияния они склонны оценивать интегрально – по итогам двух последних десятилетий.

Мы живём в поле политической пропаганды, информационной пропаганды Российской Федерации, которая использовала всё, что можно было использовать в этом плане. Мы видим, например, Гагаузию, которая даёт 90% антиевропейским силам. И так было всё время в Гагаузии? Нет, нет. Скажем так, разница между румыноязычным населением и русскоязычным населением всегда была в плане проевропейскости, но какие-то 20 лет назад, до вставания с колен Российской Федерации, до развёртывания полномасштабной информационной войны, разница была намного меньше. Были времена, когда те же самые гагаузы 50% плюс были за европейскую интеграцию.

5. Этнический аспект российского вмешательства

Хотя разнообразие этнического происхождения не являлось критерием при отборе экспертов для участия в исследовании, в ходе интервью эксперты рассказали о своих молдавских, румынских, украинских, русских, болгарских, гагаузских, еврейских, грузинских, абхазских, армянских, татарских этнических корнях.

При этом в структуре населения титульный этнос существенно преобладает. По итогам переписи населения 2024 г. около 85% граждан Республики Молдова назвали себя молдаванами (76,7%) или румынами (8,0%). Следующими по численности этническими группами оказались украинцы (5,1%) и гагаузы (4,0%)[3]. Специфическим наследием Советского Союза стало отнесение всех граждан, не входящих в румыноязычное молдавско-румынское большинство, к русскоязычной общности Молдовы. В результате намерение обеспечить этническим меньшинствам в местах их компактного проживания (актуально в первую очередь для гагаузов, болгар и украинцев) права на культурную автономию привело к их прогрессирующей русификации.

В школах Республики Молдова представитель каждой этнической группы должен иметь возможность изучать историю, традиции и культуру своего народа: гагаузского, болгарского, русского, украинского… Мы спрашиваем у преподавателей в Гагаузии: а чем вы пользуетесь, каким пособием? Показывают: «История, традиции, культура русского народа» под редакцией доктора наук Валеры Клименко, которого я называю, простите, скотиной шовинистической. «А почему вы этим пользуетесь?» – «У нас ничего другого нет».

Проблема в том, что вместо национальных языков все этнические меньшинства <до последнего времени> учились на русском. Украинские беженцы жаловались, что их детей заставляют в школе сдавать русский язык, русскую литературу.

У нас же был до сих пор предмет «История, культура, традиции русского народа». То есть все дети, которые учились в русскоязычной школе, должны были изучать вот этот предмет. На каком основании, если ты еврей, гагауз, украинец или болгарин, должен изучать историю, культуру, традиции русского народа? Сейчас поменяли эти учебные планы и появились отдельные предметы.

Что касается гагаузского, это очень большая проблема. Методических материалов нет. Ладно, подготовим – есть специалисты, это всё делается. Проблема в нежелании местных жителей. То есть люди настолько там русифицированы, что они сейчас изучение гагаузского языка воспринимают не как способ сохранения своего родного языка и культуры – потому что их язык существует только на этом клочке земли – они воспринимают это как обузу.

Эксперты уверяют, что ощутимо более высокий уровень поддержки пророссийских и антиевропейских сил среди национальных меньшинств объясняется не этническим, а лингвистическим фактором. Привычка потреблять информацию на русском языке делает людей более уязвимыми перед российской пропагандой. В результате даже среди этнических украинцев, компактно проживающих на севере страны, фиксируется массовая поддержка действий Российской Федерации и Владимира Путина.

Если не усугубляет, то, по крайней мере, консервирует ситуацию и нежелание штабов правящей партии «Действие и солидарность» / «Partidul Acțiune și Solidaritate» (PAS) активно вести агитацию в традиционно неудобных для них районах.

На <последних> президентских и парламентских выборах PAS принимают решение вообще не проводить кампанию на севере и на юге. Вообще. Они туда даже не ездили. Ни в Гагаузию, ни в Сороки. Даже в Бельцы не ездили. А двигались с запада на восток, с востока на запад по центральным районам, которые традиционно за европейскую интеграцию. Идея такая: чего нам туда ездить, нас там не любят, мы там ничего не получим. И смысла ездить нет. На севере, кстати, очень обижались: почему Майя Санду к нам не приезжает, с нами не говорит?.. Были такие публичные выступления.

Ряд экспертов говорят даже об «исключённых группах» населения (не только

по этническому признаку), которые оказались не охваченными проевропейской агитацией из-за неготовности политтехнологов тратить время, силы и ресурсы без гарантированного результата. Отдельные участники исследования обращают внимание на определённую рефлексию и изменение подходов властей к коммуникации с «исключёнными группами» после завершения избирательного цикла.

6. Беспрецедентные ответные меры

Практически все опрошенные эксперты называют ответные меры, предпринятые руководством страны, беспрецедентными, многие оценивают их правовую обоснованность словами «на грани законности». Некоторые даже высказывают сомнения, не была ли эта пресловутая грань преодолена.

Фото:`Кишинёв, Молдова — 12 марта 2023 года: депутат парламента Молдовы от партии «Шор» Марина Таубер на антиправительственном протесте в центре Кишинёва. Shutterstock.com

Уже в 2023 г. Конституционный суд Молдовы признал партию «Шор» неконституционной, сославшись на доказательства системного подкупа избирателей и незаконного иностранного финансирования[4]. Когда связанные с Иланом Шором политические структуры попытались вернуться в избирательный процесс под новыми названиями, власти перешли к превентивным мерам. Наиболее показательным примером стало снятие партии «Шанс» с местных выборов за два дня до голосования, что автоматически привело к исключению из бюллетеней около 600 её кандидатов. Эта практика

получила продолжение и накануне парламентских выборов 2025 г. В результате стратегия Шора, основанная на создании сети избирателей, готовых поддержать любую партию, на которую в последний момент укажут организаторы кампании, оказалась сорвана: все основные политические проекты, связанные с ним, были последовательно отстранены от участия в выборах.

С одной стороны, по большинству «пострадавших» партий, несмотря на явные признаки их виртуальности, суды принимали решение о приостановке деятельности сроком на один год, не исключая их полностью из политической жизни. С другой стороны, эксперты указывали, что даже на дополнительных местных выборах в отдельных населённых пунктах в 2026 г. суды отстраняли от участия кандидатов, которые прежде баллотировались от партии «Шор», но их личное участие в каких-либо противозаконных действиях не было доказано. Впрочем, повсеместной такая практика не стала, что может свидетельствовать о различном толковании судейским корпусом решений Конституционного суда и Высшей судебной палаты Республики.

Ещё одним весьма спорным шагом стало решение о приостановке лицензий ряда молдавских телеканалов.

Сегодня, когда весь мир учится у украинцев вести дроновую войну, у нас (молдаван – авт.) можно учиться борьбе с информационной российской войной. Мы запретили <некоторые> телеканалы. Казалось бы, это очень страшно в плане реализации прав информирования человека. Но на практике закрытие каналов не стало той супермерой, которой было бы в 90-х или 2000-х гг. Люди уже и так переходили на другие источники.

«Другие источники» тоже не остались без внимания властей страны. Доступ с территории Молдовы был ограничен более чем к 100 интернет-ресурсам, включая сайты, прямо связанные с российскими источниками информации. Одновременно владельцы независимых Telegram-каналов, публиковавших заказные материалы на коммерческой основе (формально незаконная, но ранее фактически не преследовавшаяся практика), начали получать неформальные предупреждения от чиновников и правоохранителей.

Одним из наиболее жёстких нововведений стало существенное ужесточение ответственности для желающих купить или продать голоса на выборах. Если раньше правоохранительные органы практически не преследовали рядовых граждан, соглашавшихся продать свой голос, то после изменений в законодательстве им начали грозить крупные административные штрафы – до 37,5 тыс. леев (почти 2 тыс. евро). Одновременно власти публично заявили, что лицо, добровольно сообщившее о факте подкупа и содействующее

расследованию, может быть освобождено от ответственности. Таким образом государство стремилось не только повысить цену участия в схемах скупки голосов, но и разрушить их изнутри, стимулируя сотрудничество участников с правоохранительными органами.

Для «покупателей» предусмотрена уголовная ответственность, по соответствующей статье уже возбуждены десятки уголовных дел, вынесено около 15 приговоров. Впрочем, многим осуждённым удалось избежать тюремного заключения.

Большинство <из 15 осуждённых> убежало в Российскую Федерацию перед приговором. Проблема в том, что у нас такие довольно мягкие стандарты по арестам, и очень многие этим пользуются. Им даётся подписка о невыезде, они через Приднестровье, потом через Украину куда-то бегут. У них молдавский паспорт – они свободно могут потом через Украину и Европу в Россию.

По данным экспертов, около 40 тысяч граждан Молдовы оштрафованы за продажу голосов. Многие оспорили решения о штрафах в судах. Судебные разбирательства продолжаются.

По статистике, около 4% <оспоривших штрафы> выигрывают. И выигрывают не потому, что они доказывают, что не брали эти деньги, а больше технически, по качеству документирования. Этим <документированием> занимались полицейские из сёл и не только, не самые лучшие полицейские, которые есть в Республике Молдова. В начале процессов были ещё адвокаты, которые были даны системой Шора, но они очень быстро ушли из этого и защищали скорее лидеров, которые пошли потом по уголовной статье.

Скептически настроенный к действиям властей участник исследования уверяет, что многие граждане, наказанные штрафами, были внесены в базы подкупленных без собственного ведома «бригадирами», присвоившими списанные под их имена средства. На них зачастую открывались счета в российских банках (в первую очередь в упомянутом выше «Промсвязьбанке») и выдавались российские платёжные карты «МИР», однако личные данные сплошь и рядом указывались некорректно. Впрочем, некорректные личные данные в базах также становятся основанием для судебной отмены решений о назначении штрафов.

Взялась полиция и за упомянутых выше курьеров, которые выезжали в Россию на конференции или в познавательно-агитационные поездки и везли назад наличные деньги в разрешённом объёме – не более $10 000 или эквивалента этой суммы в евро.

В 2025 г. поступила информация, что перед 9 мая (в этот день в России отмечают годовщину Победы над нацистской Германией и стараются организовать пророссийские митинги в других странах – авт.) группа людей поедет в Москву за деньгами и сразу вернётся. У них взяли более миллиона долларов на всех. Они не смогли объяснить, откуда эти деньги: они на два дня поехали в Москву без денег, а откуда получили, не смогли красиво рассказать. Кто-то из них признался: деньги должны пойти на финансирование деятельности вот этой партии, которая была уже незаконной. Там уголовное дело, поэтому инциденту ещё нет определения. Дальнейшая судьба денег тоже непонятна до решения суда, пока они в статусе арестованного имущества.

Резкое снижение числа зафиксированных случаев подкупа избирателей на парламентских выборах 2025 г. по сравнению с президентскими выборами 2024 г. эксперты склонны во многом объяснять именно последовательным уголовным и административным преследованием причастных.

Полиция не успела среагировать очень активно между первым и вторым туром <выборов президента>. Зато в 2025 г. часть уже испугались после 2024 г. и на парламентских уже не участвовали <в скупке и продаже голосов>, так как и штрафы, и риск, и экономически уже невыгодно, и стигматизация стала больше в обществе, об этом стали больше говорить.

Но и в 2025 г., например, в той же Гагаузии были такие социологические девиации, типа в сёлах, где, например, 80% явка, такого у нас не бывает, это очень похоже на технологии электоральных султанатов, которые есть там в Чечне или не знаю где. Очень похоже на то, что это была по-прежнему покупка голосов, и плюс задействовали, как правило, социально неактивных людей, создавались эти лидерские группы, лидеры им говорили: вот я тебе даю 20 евро, чтобы ты проголосовал за того-то.

7. Подавлена ли инфраструктура вмешательства?

Мнения экспертов по вопросу, разгромлена ли инфраструктура российского влияния на электоральные процессы в Республике Молдова, оператором которой был Илан Шор, принципиально разделились.

Ну, все известные ячейки, которые были структурированы, заметны, скорее прекратили своё существование. Сейчас вот прошли (дополнительные – авт.) местные выборы, и они не проявились опять. Вполне возможно, что влияние московское уйдёт в какую-то другую сторону, на какую-то другую фигуру переключится, на другие технологии. Есть «проевропейский» Чебан во главе Кишинёва, есть «проевропейский» Костюк в парламенте, можно теперь с ними поработать.

Официально Шор сказал, что все его социальные проекты заканчиваются после тех не самых приятных для него результатов, но мы видим, что скорее он отказался от финансирования вот этой большой сети, потому что у него все были на зарплате, и держать столько людей на зарплате, при том, что до выборов ещё долго, – это слишком дорогостояще. Плюс сейчас он отмывает деньги в Кыргызстане для российской власти. Но он продолжает финансировать онлайн-телевидение, которое вещает на Молдову 24 часа в сутки из Москвы. Мы видим, как его активисты продолжают работать в Гагаузии, потому что там после того, как осудили башкана, надо выбирать другого. И ещё Народное собрание, местный парламент нужно выбирать.

«Сетка» сейчас просто спит. Давление властей дало ей хорошую прививку. Но на следующих выборах она легко восстановится. Только немного подорожает. За надбавку в 20% ключевые люди вернутся и всё достроят. «Сетка» сильнее пропаганды, потому что пропаганда есть со всех сторон.

Большинство участников исследования сходятся в том, что пока не преодолены объективные предпосылки – бедность значительной части населения и идеологический раскол в обществе, – вероятность возрождения старой или формирования новой инфраструктуры внешнего вмешательства в выборы, несмотря на усилия властей и бдительность правоохранителей, остаётся на достаточно высоком уровне.

8. Основные выводы и рекомендации

Систематическое вмешательство России в политические и электоральные процессы Республики Молдова продолжается уже около двух десятилетий, однако избирательный цикл 2023–2025 гг. обозначил качественно новый этап. Отдельные инструменты – политическое консультирование, пропаганда, поддержка лояльных кандидатов и партий – были дополнены масштабным незаконным финансированием, скупкой голосов, созданием организационных «сеток», использованием социальных медиа и многочисленных формально независимых политических и информационных прокси. В результате речь шла уже не о наборе параллельных операций, а о комплексной системе вмешательства, элементы которой дополняли друг друга и адаптировались к меняющейся политической ситуации.

Ключевой фигурой этого этапа стал Илан Шор. Его собственный политический опыт – от победы на выборах в Оргееве и создания системы социального патронажа до успеха поддержанных им кандидатов на выборах в Гагаузии – продемонстрировал возможности сочетания популистской политики, прямого материального стимулирования избирателей и разветвлённой организационной инфраструктуры. Сотрудничество с Москвой позволило

масштабировать эту модель практически до национального уровня. При этом Шор был лишь наиболее заметным элементом значительно более широкой системы российского влияния, охватывающей политиков и политические проекты с формально различной идеологической ориентацией.

Исследование показывает и пределы возможностей такой системы. Среди экспертов отсутствует согласие относительно того, насколько существенно непосредственная скупка голосов повлияла на результаты президентских и парламентских выборов и референдума о европейской интеграции. Часть получателей российского финансирования, вероятно, и без материального стимулирования голосовала бы за пророссийских кандидатов; часть средств терялась внутри самой системы; наконец, полученные деньги не гарантировали требуемого голосования каждого получателя. Гораздо более значимым результатом российского влияния представляется сохранение на протяжении десятилетий устойчивой социальной и информационной среды, в которой около трети электората внутри страны остаётся восприимчивым к пророссийским и антиевропейским нарративам.

Особенно уязвимыми в этой ситуации оказываются некоторые этнические и региональные группы. Однако, как показывают интервью, речь идёт не столько об этнической принадлежности как таковой, сколько о языке потребления информации, социально-экономическом положении и многолетней слабости коммуникации между государством, проевропейскими политическими силами и частью населения. Сохранение русскоязычной информационной среды, практически монополизированной российскими источниками на протяжении значительной части постсоветского периода, сочетается с недостаточным присутствием проевропейских партий в регионах, где их позиции традиционно слабы. Тем самым внешнее вмешательство использует не столько созданные извне, сколько уже существующие внутренние линии раскола молдавского общества.

Ответ молдавского государства оказался достаточно эффективным, чтобы существенно повысить стоимость вмешательства. Последовательное преследование организаторов и участников схем подкупа, крупные штрафы для продавцов голосов, блокировка каналов финансирования и недопуск связанных с Шором политических проектов к выборам заметно осложнили воспроизводство созданной им инфраструктуры. Снижение числа зафиксированных случаев подкупа на парламентских выборах 2025 г. по сравнению с президентской кампанией предыдущего года большинство участников исследования связывают именно с этими мерами. Однако говорить об окончательном разрушении инфраструктуры вмешательства преждевременно. Часть экспертов считает, что «сетки» скорее перешли в спящий режим и могут быть восстановлены при появлении финансирования

и нового политического оператора. Пока сохраняются социальные, экономические и политические предпосылки их существования, остаётся и возможность их возрождения в новой форме.

При этом главный результат российского вмешательства в Молдове парадоксален. Москва не достигла своей основной стратегической цели: Молдова не отказалась от европейской ориентации, а попытки повлиять на результаты последних электоральных кампаний не привели к приходу к власти политических сил, способных развернуть внешнеполитический курс страны. Однако это не означает, что вмешательство оказалось безрезультатным. Не сумев изменить геополитический выбор Молдовы непосредственно, Россия способствовала возникновению ситуации, в которой само сохранение этого выбора потребовало от государства применения всё более жёстких ограничительных мер.

Фото:` КИШИНЕВ, МОЛДОВА - 20 ИЮНЯ 2025 Дом Правительства украшен большими флагами ЕС и Молдовы на фасаде и городском движении по проспекту Стефана Великого. Shutterstock.com

Именно здесь обнаруживается наиболее существенный риск. Запрет или отстранение политических партий и кандидатов, ограничение работы телеканалов и интернет-ресурсов, неформальное воздействие на участников информационного рынка и расширительное применение превентивных ограничений могут быть объяснимы масштабом внешнего вмешательства и в отдельных случаях действительно способствовать его пресечению. Но эффективность таких мер сама по себе не снимает вопросов об их

соразмерности, доказательной базе, соблюдении надлежащей правовой процедуры и возможностях судебного контроля. Тем более она не гарантирует, что чрезвычайные механизмы, возникшие как реакция на реальную внешнюю угрозу, со временем не превратятся в обычные инструменты внутренней политической борьбы.

В этом смысле российское вмешательство создаёт для демократического государства своеобразную ловушку. Недостаточно решительный ответ оставляет пространство для дальнейшего внешнего воздействия на выборы; чрезмерно резкий и широкий – способен постепенно менять саму демократическую среду, которую государство пытается защитить. Поэтому критерием успешности противодействия не может быть только поражение поддерживаемых извне политических проектов или сокращение масштабов электоральной коррупции. Не менее важным результатом должно оставаться сохранение понятных и твёрдых правил политической конкуренции, свободы информации, независимого судебного контроля и возможности легальной оппозиционной деятельности.

Из этого следует и более широкий вывод. **Уязвимость демократии перед внешним вмешательством определяется не только способностью иностранного государства привести к власти предпочтительные для него политические силы. Внешний актор может добиться части своих целей и иначе – заставив демократическую систему защищаться средствами, которые постепенно снижают её собственные стандарты.** В таком случае формальное поражение вмешивающейся стороны ещё не означает полного поражения её стратегии.

Именно поэтому молдавский опыт представляет интерес для других европейских государств. Его главный урок заключается не в том, какие именно партии следует запрещать, сайты блокировать или санкции применять – конкретный набор мер определяется масштабом угрозы и национальным законодательством. Гораздо важнее необходимость одновременно создавать эффективные механизмы раннего выявления и пресечения внешнего вмешательства и устанавливать достаточно жёсткие ограничения для применения государством этих механизмов. Прозрачность решений, высокий стандарт доказательств, возможность своевременного и содержательного судебного обжалования и чёткое разграничение иностранного вмешательства и легальной политической оппозиции становятся в этой ситуации не препятствиями для защиты демократии, а необходимой частью такой защиты.

Говоря о практических рекомендациях для властей и гражданского общества Республики Молдова, стоит отметить следующее:

- В направлении пресечения незаконного вмешательства в тех формах, которые описаны выше, основная необходимая работа уже проведена. Криминализованы определённые действия, связанные с незаконным финансированием и подкупом; уточнена правоприменительная практика; созданы достаточно эффективные механизмы государственного и общественного контроля.
- В направлении обеспечения демократических и правовых гарантий проведения выборов можно рекомендовать:

  А) Расширение и детализацию нормативной базы, регулирующей правоотношения в ходе избирательных кампаний, а также регулирующей реализацию прав на свободу создания, распространения и получения информации. Установление чётких пределов вмешательства государства и понятных, предсказуемых последствий нарушения тех или иных норм для граждан.

  Б) Введение исчерпывающего перечня оснований и жёстких стандартов доказательств для отстранения партий и кандидатов от участия в избирательном процессе, а также для блокировки медиа- или онлайн-контента.

  В) Тщательное и содержательное судебное рассмотрение жалоб на запретительные и ограничительные действия со стороны государственных органов.

  Г) Повышение прозрачности финансирования избирательных кампаний, в том числе снятие необоснованных ограничений по размеру и источникам финансирования, провоцирующих уход части операций «в тень».

  Д) Чёткое законодательное определение роли, прав и возможностей государства в регулировании (блокировке) вредоносной информации, распространяемой иностранными источниками.
- В направлении устранения долгосрочных уязвимостей отдельных общественных групп и политической системы в целом стоило бы обозначить как приоритетные задачи:

  А) Трансформацию образовательной и культурной политики в отношении этнических меньшинств. Повышение роли собственных национальных языков (более резко) и румынского языка (более плавно) в жизни этнических меньшинств, достижение реального языкового плюрализма как элемента формирования этнической и гражданской идентичности, а также инструмента доступа к достоверной информации, чтобы

сегодняшняя русскоязычная общность Молдовы не зависела от контролируемых российским государством источников информации.

Б) Постоянный диалог с этническими меньшинствами и оппозиционными общественными группами со стороны президента, правительства, парламента, проевропейских политических партий. Продвижение своей повестки в нелёгкой дискуссии.

В) Гражданскую и политическую работу в период между выборами, направленную на преодоление раскола общества. Постепенный переход от политической модели «Парламентское монобольшинство против непримиримой оппозиции» к модели «Правящая партия – партнёры по коалиции – конструктивная оппозиция» с маргинализацией оппозиции неконструктивной. Планирование следующей парламентской избирательной кампании, исходя из целевой модели.

Г) Активные усилия на наиболее популярных площадках в соцсетях по продвижению позитивной повестки.

Д) Действия по решению экономических и социальных проблем, создающих почву для патронажа и подкупа избирателей.

Опыт Молдовы следует рассматривать не как уникальный случай, а как один из первых примеров масштабного и комплексного внешнего вмешательства в электоральные процессы, с которым в ближайшие годы могут столкнуться и другие европейские государства. Многие элементы этой модели – использование цифровых платформ, трансграничных финансовых схем и сети формально независимых акторов – уже проявляются в странах Центральной Европы и Балкан, прежде всего в Румынии и Болгарии. По мере того как подобные технологии будут адаптироваться к политическим реалиям государств – членов ЕС, европейским демократиям придётся искать новые способы защиты избирательного процесса.

В этих условиях концепция «защищающейся демократии» перестаёт быть предметом академических дискуссий и превращается в практическую задачу для европейских государств. А способность удерживать баланс между эффективностью мер защиты и сохранением демократических стандартов во многом определит, смогут ли европейские демократии противостоять новым формам внешнего воздействия, не жертвуя собственными базовыми принципами.

Источники:

1. https://www.occrp.org/ru/rassledovanie/dve-gromadnye-afery-odin-moldavskii-biznesmen?
2. https://www.washingtonpost.com/world/2022/10/28/russia-fsb-moldova-manipulation/
3. https://www.moldpres.md/rus/obshestvo/itogi-perepisi-naseleniya-2024-goda-nbs-predstavilo-dannye-ob-etnokulturnyh-osobennostyah-naseleniya
4. Решение Конституционного суда Молдовы, 2023

Washington, DC
October 2026